

все удавалось, все улыбалось, начальство всегда щедро награждало его. Разъ, послѣ подобнаго успѣха, онъ спросилъ у меня: — „Ну, Антикъ, скажи откровенно твое мнѣніе обо мнѣ“. — „А знаешь, — отвѣчалъ я: — ты представляешься мнѣ на высокой скалѣ, на краю пропасти; будь остороженъ, еще одинъ шагъ, и ты упадешь“... Товарищъ мой былъ возмущенъ, всталъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, почему я такъ думаю. — „Надо сказать тебѣ, — началъ я опять: — что я говорю это потому, что ты талантъ, и другъ, и умный человѣкъ... и въ такомъ случаѣ предостереженіе не мѣшаетъ принять къ свѣденію. Вотъ недавно одинъ мой товарищъ захлопнулъ передъ моимъ носомъ дверь и не впустилъ меня къ себѣ просто изъ дружбы... Я не обидѣлся, хотя было чѣмъ обидѣться, и принялъ только къ свѣденію. Можетъ быть, онъ правъ на половину, на четверть, въ чемъ-нибудь, наконецъ“... — „Все это хорошо, но объясни мнѣ, почему мое положеніе такъ опасно?“ — „Потому, что у тебя нѣтъ художественной правды“... — „А по твоему искусство должно быть правдой?“ — „Вовсе нѣтъ; я хорошо знаю, что правда не есть искусство, а искусство не есть правда — потому-то я и говорю о художественной правдѣ“.

И пошелъ споръ о реализмѣ и идеализмѣ, тотъ нескончаемый споръ, который продолжается и донинѣ.

Надо сказать тебѣ, что къ сожалѣнію искусство не особенно богато терминами; ихъ всего три: идеализмъ, реализмъ и натурализмъ. Зато какое разнообразіе мыслей и понятій! Совѣтую, другъ, если тебѣ когда-нибудь придется спорить объ идеализмѣ и реализмѣ, непременно раньше освѣдомься, что подъ ними понимаетъ твой оппонентъ, — иначе рискуешь докричаться до хрипоты и все-таки ни до чего не договориться. За одно спроси у твоего противника: допускаетъ ли онъ идеальное содержаніе въ реальныхъ формахъ, какъ это дѣлалось въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ и какъ теперь это дѣлаетъ твой покорнѣйшій слуга. И если это допускается, то какъ это назвать и подъ какую рубрику подвести?

И нашъ споръ съ товарищемъ окончился ничѣмъ, но послѣ него я почувствовалъ, что между нами обнаруживается, такъ сказать, трещина, которая вначалѣ была почти незамѣтна, но потомъ стала виднѣе.

Подошли экзамены. Я опять выставилъ свой эскизъ: „Нападеніе инквизиціи на евреевъ“, выставилъ просто потому, что „нагой разбоя не боится“ — будь что будетъ, хуже быть не можетъ... И представъ мое удивленіе, когда я узналъ, что за этотъ эскизъ